

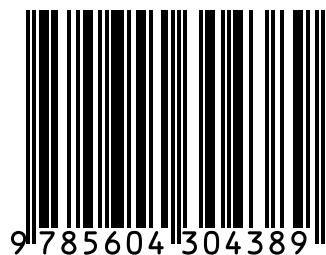

Юбилей Халхин-Гола и политика исторической памяти в отношениях России с Монголией и Японией

Олег Барабанов, Сергей Лузянин,
Дмитрий Стрельцов

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-6043043-8-9

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Об авторах

Барабанов Олег Николаевич

Доктор политических наук, программный директор
Международного дискуссионного клуба «Валдай», профессор РАН,
научный руководитель Европейского учебного института МГИМО
МИД России

Лузянин Сергей Геннадьевич

Доктор исторических наук, профессор, директор Института
Дальнего Востока РАН, профессор МГИМО МИД России, профессор
НИУ ВШЭ

Стрельцов Дмитрий Викторович

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
востоковедения МГИМО МИД России

Содержание

- 3 Предисловие
- 5 80 лет необъявленной войне на реке Халхин-Гол:
реалии и мифы
- 17 Вопросы исторической памяти
в российско-японских отношениях
- 18 Историческая память в советско/российско-японских
отношениях: взгляд из Москвы
- 24 Подход Японии к вопросам исторического прошлого
в отношениях с Россией

Предисловие

Олег Барабанов

Лето 2019 г. является юбилейным: оно отмечено восьмидесятой годовщиной вооружённого конфликта на реке Халхин-Гол. Этот конфликт важен и с исторической, и с политической точек зрения. Исторически результат боёв на Халхин-Голе поставил точку в цепи столкновений 1930-х гг. между Японией (и Маньчжоу-го¹), с одной стороны, и Советским Союзом и Монголией – с другой. Напомним, в предыдущем вооружённом конфликте на озере Хасан в 1938 г. на первом этапе действия советских пограничников и военных отличались несогласованностью и утратой инициативы, что могло привести к выводу, что испытывать на прочность советскую военную силу вполне возможно. Итоги же столкновений на Халхин-Голе (гораздо более масштабных, чем на Хасане) продемонстрировали убедительное превосходство советского и монгольского оружия.

Представляется, что память о Халхин-Голе сыграла не последнюю роль в решении Японии заключить договор о нейтралитете с Советским Союзом в апреле 1941 г. и переключить основной вектор своей военной активности с СССР на США. Излишне говорить, что этот нейтралитет Японии сыграл ключевую роль в том, что Советский Союз смог выстоять в первый, самый тяжёлый период войны с Германией во второй половине 1941 г. и позднее – летом–осенью 1942 г. Если бы Япония в это время вступила в войну против СССР на стороне Германии, то ведение боевых действий на два фронта значительно уменьшило бы способность Советского Союза к обороне, что с определённой долей вероятности могло бы привести к фатальному для СССР исходу.

Память о Халхин-Голе сыграла не последнюю роль в решении Японии заключить договор о нейтралитете с Советским Союзом в апреле 1941 г. и переключить основной вектор своей военной активности с СССР на США

Также исторически важно, что Халхин-Гол стал первой крупной боевой операцией для будущего Маршала Советского Союза Георгия Жукова. Победа в этих боях принесла ему персональное внимание И.В. Сталина и послужила прологом к его быстрой военной карьере в 1940–1941 гг. (сначала командующий войсками Киевского особого военного округа, а затем начальник Генерального штаба). В последующем то, что Жуков сыграл одну из ключевых ролей в победе над Германией, также может вести свой отсчёт именно от Халхин-Гола.

¹ Маньчжоу-го было марионеточным государством, образованным японской военной администрацией на оккупированной Японией территории Северного Китая и существовавшим с 1932 по 1945 гг.

Итоги конфликта на Халхин-Голе оказали определяющее воздействие на устойчивость и прочность государственности Монгольской народной республики (МНР). Впоследствии в ходе Второй мировой войны ни Япония, ни Маньчжоу-го уже не предпринимали боевых действий против этой страны. Между тем не стоит забывать и о том, что ввод в Монголию в 1937 г. 57-го особого корпуса советских войск (который затем и вёл боевые действия на Халхин-Голе) стал своего рода фоном для проведения кампании репрессий и чисток в Монголии в период 1937–1939 гг. по советскому образцу.

Серьёзное воздействие оказал Халхин-Гол и на международные отношения в Европе в этот период. Успехи советских войск по удержанию плацдарма на восточном берегу реки во второй половине июля 1939 г. и затем начало масштабного советского наступления 20 августа, приведшее к окончательному разгрому сил противника и завершению конфликта, стали весьма характерным фоном для заключения договора о ненападении между СССР и Германией 23 августа 1939 г. Вместе с тем, боевой успех Халхин-Гола и лёгкость Освободительного похода Красной Армии в Западную Украину и Белоруссию осенью 1939 г. привели в определённой степени к шапкозакидательским настроениям в Красной Армии, что ощутимо сказалось на её неудачах в первый период Советско-финской войны 1939–1940 гг.

Значим Халхин-Гол и для эволюции военной стратегии и тактики: прежде всего, с точки зрения организации и проведения массированных воздушных боёв с десятками самолётов в небе, а также в плане организации окружения крупных группировок противника, действий по захвату и удержанию плацдармов за водными преградами и т.д. С военно-политической точки зрения, важен и опыт организации взаимодействия между советскими и монгольскими войсками в бою, ставший одним из первых крупных примеров такого сотрудничества между СССР и союзными ему государствами.

Юбилей Халхин-Гола имеет не только историческое, но и важное политическое значение — прежде всего, в более широком контексте политики исторической памяти и того влияния, которое оказывает история на современные ценности и идеологические установки, связанные с национальной идентичностью. Получившая сейчас достаточно острый характер в России и Японии общественная дискуссия вокруг параметров заключения мирного договора между нашими странами выводит эту политику исторической памяти чуть ли не на первый план во всём спектре двусторонних отношений. Комплексное значение Халхин-Гола важно и для развития российско-монгольских отношений, роли вопросов национальной идентичности и исторической памяти в современном общественном мнении Монголии.

Как правило (хотя мы все знаем и об исключениях), современные юбилеи крупных военных конфликтов прошлого направлены на историческое примирение враждовавших ранее государств, с одной стороны, и на воздействие союзного братства в прошлом на позитивную динамику отношений сегодня — с другой. В этой связи можно надеяться,

что и юбилей Халхин-Гола послужит этим целям исторического примирения и укрепления сотрудничества.

В контексте юбилея Международный дискуссионный клуб «Валдай» представляет читателям работы известных российских востоковедов — директора Института Дальнего Востока РАН С.Г. Лузянина и заведующего кафедрой востоковедения МГИМО Д.В. Стрельцова, посвященные этому вопросу. С.Г. Лузянин разбирает исторический контекст конфликта на Халхин-Голе с привлечением большого количества новых и малоизвестных источников. Также на этом фоне он рассматривает динамику политики исторической памяти в современной Монголии. Д.В. Стрельцов в своей работе даёт картину исторической эволюции формирования политики исторической памяти в Японии, выделяет основные различия в подходах к этому вопросу между теми или иными политическими силами в стране. Кроме того, он даёт интересный и важный анализ общественной дискуссии в Японии по вопросам заключения мирного договора с Россией.

Очевидно, что войны прошлого должны полностью стать объектом внимания лишь экспертов-историков и не должны провоцировать лишний раз современные противоречия между государствами. Надеемся, что юбилей Халхин-Гола послужит достижению именно этой цели.

**Для нынешнего
монгольского президента
Россия и Китай являются
ключевыми векторами
во внешней политике**

80 лет необъявленной войне на реке Халхин-Гол: реалии и мифы

Сергей Лузянин

В год 80-летнего юбилея совместной победы СССР и МНР в войне с милитаристской Японией и Маньчжоу-го на реке Халхин-Гол история этого события вновь привлекает внимание историков и политологов, возрождая старые и порождая новые мифы.

Современная демократическая Монголия, прошедшая в 1990-е–2000-е гг. период формирования многопартийной парламентско-президентской структуры и либеральной, открытой экономики, в своей

международной политике базируется на положениях Концепции внешней политики 2011 г. Концепция подразумевает опору сразу на три силы – Россию, Китай и страны «третьего соседа» (США, Япония, ЕС, Южная Корея и другие). Фактически, речь идёт о некотором лавировании между этими тремя векторами, что отражается и на предпочтениях отдельных представителей монгольской элиты.

Президент Монголии Халтмаагийн Баттулга, на наш взгляд, стремится сделать акцент на развитии отношений с Россией и КНР. Среди большей части руководящих членов Демократической партии (лидер партии – Содномзундуйн Эрдэнэ) преобладает приверженность приоритету отношений со странами «третьего соседа», хотя они и признают экономическую ценность отношений с Пекином и Москвой. Большая часть членов Монгольской народной партии (МНП) формально выступает за «нейтралитет». На сегодняшний день команда Х. Баттулги, куда входят премьер-министр страны Ухнаагийн Хурэлсух и председатель Великого государственного хурала (ВГХ) Гомбожавын Занданшатар (оба – выдвиженцы от МНП), выглядит достаточно цельной и продуктивной по результатам своей работы, включая развитие российско-монгольских отношений по ключевым направлениям и проектам. Важными для страны будут очередные выборы в ВГХ Монголии в 2020 г., по результатам которых скорректируются внутренний и внешнеполитический курсы правительства.

Для нынешнего монгольского президента Россия и Китай являются ключевыми векторами во внешней политике. Монголия стремится активно развивать совместные инфраструктурные проекты – экономические коридоры в рамках «треугольника» Россия–Монголия–Китай, строительство и модернизация железных дорог и создание энергетической суперсети в Северо-Восточной Азии. Х. Баттулга выступает за вступление Монголии в группу постоянных членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС; в настоящее время Монголия является страной-наблюдателем), хотя большая часть депутатов ВГХ пока не готова принять решение по этому вопросу. Лидеры оппозиционных по отношению к президенту кругов утверждают, что он, якобы, толкает страну к колониальной зависимости от России. Они являются противниками членства в ШОС, устраивают митинги и демонстрации. СМИ, подконтрольные Демократической партии, часто публикуют очерняющие Россию материалы.

Монгольское общественное мнение в отдельных случаях достаточно негативно настроено по отношению к Китаю. Антикитайская риторика используется рядом монгольских политиков. Однако Х. Баттулга в ходе своей предвыборной кампании, наоборот, не приуменьшал важность развития китайско-монгольских отношений и в настоящее время стремится наладить сотрудничество с КНР так же, как и с Россией. Динамично развивается сотрудничество Монголии с приграничными регионами Китая – прежде всего, автономным районом Внутренней Монголии (АРВМ) и Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР). Чувствительным вопросом для монголо-китайских отношений остаётся проблема визитов Далай-ламы XIV в Монголию. В 2016 г. после очередного визита буддийского иерарха между Пекином и Улан-Батором обострился вопрос о возможности дальнейших визитов Далай-ламы на территорию Монголии, даже если они будут носить исключительно религиозный характер.

При всей разности политических подходов монгольских политиков, практически никто не готов публично заявлять о пересмотре итогов боёв на Халхин-Голе

Японское направление в 2019 г. в связи с подготовкой 80-летия событий на р. Халхин-Гол получает в Монголии дополнительные импульсы. Как известно, до сих пор Х. Баттулга в статусе президента страны не совершил официального визита в Японию, так же как и Синдзо Абэ не прилетал в Монголию, хотя монгольский президент неоднократно говорил о том, что отношения двух государств должны строиться на принципах взаимного партнёрства. Японский вектор внешней политики по большому счёту не является стратегическим и ведущим для современной Монголии, хотя в обществе и самим монгольским руководством воспринимается как одно из важных направлений в рамках политики «третьего соседа».

Так как многие монголы живут, учатся и работают в Японии, данная сфера была урегулирована подписанием между странами Меморандума о стажёрах в 2017 г. и Меморандума о сотрудничестве в 2019 г. Япония остаётся важным инвестором и одним из лидеров в области культурного присутствия в Монголии. В стране действует множество японских НПО, вблизи от центрального корпуса Монгольского государственного университета расположен Монголо-японский центр развития человеческих ресурсов.

При всей разности политических подходов монгольских политиков, практически никто не готов публично заявлять о пересмотре итогов боёв

на Халхин-Голе. Речь скорее идёт о деталях и нюансах конфликта. Большинство политиков стремится показать, что они всячески чтут память о победе, что отвечает запросам общественного мнения Монголии, в котором совместная победа СССР и МНР над империалистической Японией на реке Халхин-Гол – абсолютная аксиома и героическая история, хотя публицистические и научные дискуссии на эту тему активно ведутся. Так, Равдангийн (Равдан) Болд, ныне посол Монголии в Турции, в 1997–2003 гг. – секретарь Совета национальной безопасности Монголии, в 2007–2012 гг. – начальник Главного управления разведки Монголии, в своих многочисленных публикациях вносит дополнительные, важные уточнения по количеству потерь советско-монгольских войск и японцев, много пишет о Меморандуме Танака и других исторических вопросах. Бат-Эрдэнийн Батбаяр (Баабар)² – один из немногих, кто пытается отчасти пересмотреть характер событий, показав обоюдную «вину» конфликтующих сторон.

Меморандум Танака – документ, на который ссылались политики и дипломаты, обвинявшие Токио в военном экспансионизме. Автор Меморандума в 1927 г. занимал пост японского премьер-министра и с его именем связывают реализацию милитаристского курса Токио. Вместе с тем многие западные и японские учёные считают, что, скорее всего, он (меморандум) был создан в недрах Коминтерна и не имел никакого отношения к японскому руководству. В современной японской историографии анализируется текст документа и отмечается, что по стилю и характеру его не могли написать японцы.

Является ли Меморандум реальным историческим документом или это подделка Коминтерна, сегодня точно не скажет никто. При этом существуют веские аргументы в подтверждение как одной, так и другой точек зрения. Принципиальным, на наш взгляд, является то, что в любом случае (наличия или отсутствия данного японского «обоснования») экспансия Японии на север (в МНР и на российский Дальний Восток) была объективно необходима Токио и предрешена. Речь шла только о сроках и месте нападения. Это было обусловлено и наличием существовавшей тогда японской стратегии создания «Конфедерации сопроцветания азиатских народов», а также китайским фактором – необходимостью для Токио скорейшей ликвидации основного «коридора» помощи из СССР через МНР и Внутреннюю Монголию в Южный Китай.

² Бат-Эрдэнийн Батбаяр (Баабар) – директор издательства *Нерко*, владелец информационного портала *Ваабар.тп*, один из ярких активистов Демократической революции в Монголии 1990 г., в 1998–1999 гг. министр финансов Монголии, в 2004–2005 гг. советник премьер-министра Монголии Ц. Элбэгдоржа.

Японские НПО проводят в Монголии последовательную работу по пересмотру итогов конфликта на Халхин-Голе. Так, в августе 2014 г. при финансовой поддержке Японского общества исследования истории и культуры Монголии, Ассоциации международных исследований «Сэкигути» и Фонда международных стипендий «Атсуми» (AISF) прошёл международный научный симпозиум «Комплексное изучение боёв Халхин-Гола и Номонхана». Японские эксперты продвигали следующие тезисы.

- 1) Меморандум Танаки – фальшивка, это окончательно доказанный факт.
- 2) У Японии не было цели захватить Монголию, причина конфликта – только проблема демаркации границы.
- 3) Не было «боёв на Халхин-Голе», а был только «Номонханский конфликт».
- 4) Ответственность за развязывание конфликта лежит не только на Японии (да и то, лишь на командовании Квантунской армии), но и на СССР.
- 5) Монголия – невольная жертва борьбы двух держав.

Отталкиваясь от тезисов японских историков, попытаемся взглянуть на реальную историю Халхин-Гола.

Ситуация на Дальнем Востоке во многом была обусловлена начавшейся 7 июля 1937 г. агрессией Японии в Китае. Все эти события (японо-китайская война, создание государства Маньчжоу-го и др.) хорошо изучены. Менее известным фактом остаётся проведение Маньчжурской конференции по нормализации монголо-маньчжурских приграничных отношений. Формально конференция происходила между МНР и Маньчжоу-го, но за ними фактически стояли СССР и Япония. Переговоры проходили с 1935 по 1939 гг.

Марионеточное государство Маньчжоу-го по своему статусу формально было схоже с МНР. Оба являлись де-юре не признанными в мире никем, кроме их покровителей – Японии и СССР. На территории обоих государств распространялась на тот период формальная юрисдикция Китая, хотя де-факто Маньчжоу-го контролировало Токио, а МНР – Москва. Принципиальным отличием было то, что Токио рассматривал территорию своей марионетки как удобный военный плацдарм для нападения Квантунской армии на север (СССР) или северо-запад (МНР). Москва же рассматривала Монголию в защитном плане – для обороны собственно МНР и восточных

**Японские НПО
проводят в Монголии
последовательную работу
по пересмотру итогов
конфликта на Халхин-
Голе**

советских границ. При этом между Москвой и Улан-Батором в 1936 г. был подписан Пакт о взаимопомощи, который обеспечивал монголам военно-политическую защиту от возможного нападения Токио. Япония явно форсировала в тот период свои действия в Китае, пытаясь победоносно завершить войну. Несмотря на усилия Москвы по созданию единого антияпонского фронта (1937 г.) в составе частей армии Гоминьдана и Коммунистической партии Китая (КПК), обстановка складывалась не в пользу Китайской Республики, руководимой Чан Кайши. 80% китайской территории было оккупировано. Токио раздражала растущая военная помощь Советского Союза.

С 15 мая 1939 г. пограничные столкновения переросли в полномасштабную японо-маньчжурскую военную экспансию. Войска четырёх сторон (СССР и МНР, с одной стороны, Японии и Маньчжоу-го – с другой) столкнулись на левом берегу Халхин-Гола. Основные бои проходили в течение июня–августа 1939 г. Квантунская армия углубилась в монгольские земли, переправившись через Халхин-Гол, и предприняла три наступления с привлечением крупных сил, включая артиллерию и авиацию, которая проникала в воздушное пространство МНР до 80 км. Японцы пытались установить свой контроль на левом берегу Халхин-Гола, советско-монгольские части этот берег упорно защищали. В июне было организовано ответное контрнаступление на территорию Маньчжоу-го. Полную победу обеспечило августовское (20–24 августа) генеральное наступление под командованием блестящего советского военачальника Г.К. Жукова. С точки зрения военного искусства, генеральное наступление было осуществлено эффективно и стремительно.

Спорным до настоящего времени является сам термин трагических событий на р. Халхин-Гол. Одни историки определяют его как «конфликт», другие – как «необъявленную войну». Часть японских историков, пытаясь локализовать произошедшие события называют их «Номонханским конфликтом». В СССР данное событие официально всегда называлось как «конфликт на реке Халхин-Гол». Учитывая масштабы боевых действий, геополитические причины и последствия, количество жертв с обеих сторон (потери японо-маньчжурских войск до 52 тыс. солдат и офицеров, советско-монгольских – от 12 до 14 тыс.), на наш взгляд, это была локальная война между двумя региональными военными блоками СССР/МНР и Япония/Маньчжоу-го.

Не менее спорной, на наш взгляд, остаётся и идея известного японского монголоведа, профессора Танаки Кацухико, о том, что столкновение

Японии и СССР было выгодно обеим державам. По данной версии, Москва и Токио, якобы, пытались таким образом уничтожить возможность монголо-баргутской интеграции МНР и Маньчжоу-го, ликвидировав давние желания халха-монголов (Внешней Монголии/МНР), баргутов (Внутренней Монголии и Маньчжурии) и части бурятских племён реализовать доктрину пан-монголизма, то есть воссоединить все монголоязычные этносы в единое монгольское государство. Отметим, что такая доктрина действительно присутствовала в монгольском сознании и в эпоху Великой Монгольской империи Чингисхана (XIII–XIV вв.), и у главы монгольской теократической монархии (1911–1919 гг.) Джебцзэн-Дамба Хутухты Богдо-гэгэна VIII. Свою трактовку пан-монголизма, как победы более прогрессивной жёлтой расы (монголов и маньчжуров) над загнивающей белой (западной) расой, пытался реализовать барон Унгерн фон Штернберг. Не был ей чужд и руководитель МНР, маршал Хорлогийн Чойбалсан, не раз высказывавшийся в Кремле лично И.В. Сталину относительно возможности присоединения к МНР территории Внутренней Монголии, которая до японской агрессии (1937 г.) была частью гоминьдановского Китая, а после – до августа 1945 г. – временно оккупирована японцами.

Не отрицая наличие исторической идеи пан-монголизма, методы её уничтожения Москвой и Токио в 1939 г. с большими жертвами с обеих сторон, включая советские и японские потери, вызывают большие вопросы. В основе мотивации СССР и Японии лежала, прежде всего, большая геополитика, связанная для советского руководства с упреждением возможности вести войну на два фронта (против фашистской Германии и милитаристской Японии). И одновременно с желанием Токио решить две военно-политические задачи: разгромить единственного союзника СССР – Внешнюю Монголию/МНР, значительно расширив базу на оккупированных территориях для Квантунской армии вдоль всей советской дальневосточной границы, и победоносно завершить китайский «блицкриг», отсекая советско-монгольскую помощь.

Как показала дальнейшая история, стратегия Москвы оказалась верной. После победы на Халхин-Голе СССР не только усилил своего «младшего брата» МНР, создав из него своеобразный военно-политический «буфер» на своей границе против Японии, но и отбил желание у Токио открыть «второй фронт» против СССР на Дальнем Востоке

После победы на Халхин-Голе СССР отбил желание у Токио открыть «второй фронт» против СССР на Дальнем Востоке в 1941–1945 гг.

в 1941–1945 гг. По нашему мнению, если бы не было победы на Халхин-Голе, скорее всего, японское руководство ударило бы по дальневосточным позициям Советского Союза в декабре 1941 г. в период битвы за Москву, что, в свою очередь, не позволило бы советскому командованию перебросить дальневосточные и сибирские дивизии на Запад, которые, по сути, и определили исход битвы за советскую столицу и предрешили общую великую Победу.

Малоизвестной страницей Халхин-Гола остаётся история с картами, определявшими границы конфликта, которыми оперировали монгольское и советское командования в мае 1939 г. Уже в период начавшихся боевых действий (после 15 мая 1939 г.) ни в Москве, ни в Улан-Баторе не было точной географической картины происходящих боевых столкновений. Отсутствие чёткой демаркационной линии (границы) создавало определённую нервозность в высшем советском руководстве, поскольку начавшийся конфликт советской и мировой общественности должен был быть представлен как акт нарушения границы МНР и агрессии со стороны Квантунской армии. Проблема была в том, что в архивах, которыми располагали советские картографы, имелись только китайские карты периода правления последней маньчжурской (цинской) династии (до 1911 г.), в которых зона соприкосновения владений баргутских племён, кочевавших в Маньчжурии, и халха-монголов (Внешней Монголии) изображалась как «территория совместных кочевий примерно в 200–300 км в обе стороны», а река Халхин-Гол автоматически входила в эту зону.

21 мая 1939 г., когда боевые действия уже развернулись, в секретном донесении И.В. Сталину и В.М. Молотову Л.П. Берия сообщает, что в Улан-Баторе «нашлась ещё одна карта, датированная 5 июля 1887 г., причём аналогичных экземпляров ни в архивах Народного комиссариата иностранных дел (НКВД), ни в Управлении военной топографии рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), ни в Генштабе РККА, обнаружить не удалось»³. На данном варианте карты, как сообщает Л. Берия, примерная граница проходит «восточнее р. Халхин-Гол», что автоматически превращало идущие бои в войну «на территории МНР». Относительно же карт, изданных в СССР и МНР в 1934–1937 гг., и их издателей Л.П. Берия в своём донесении докладывал: «Нами ведётся расследование, на основании каких материалов и документов в январе 1934 г. Управлением военной топографии РККА была издана карта,

³ Архив внешней политики Российской Федерации, фонд Секретариат Молотова, опись 1, портфель 132, папка 13, лист 62.

по которой государственные границы показаны проходящими по р. Халхин-Гол, а также выясняется, что послужило основанием к обозначению данного варианта государственной границы МНР и Маньчжоу-го (по обнаруженной карте. – С.Л.) к северо-востоку от р. Халхин-Гол»⁴. Другими словами, найденная маньчжурская карта 1887 г. была взята за основу конфликта. Насколько была достоверна данная картографическая версия, в настоящее время определить очень сложно. Гипотетически, можно предположить и наличие подделки, созданной в недрах аппарата Л.П. Берии, который просто обязан был докладывать первому лицу «правильную» информацию.

В любом случае данные архивные документы не опровергают факта территориальной агрессии Японии и Маньжоу-го в отношении МНР. Они подтверждают, что точно определить, на какой части территории происходили многочисленные взаимные пограничные конфликты в течение 1934–1939 гг., которые затем переросли в войну, практически невозможно. Скорее всего, это были обоюдные вылазки монгольских отрядов на территорию Маньжоу-го и, соответственно, маньчжурских – в МНР. Что касается демаркации границы, она была проведена после завершения военных действий и установления перемирия между конфликтующими сторонами по реке Халхин-Гол.

Другой не очень известной страницей остаётся официальный статус МНР в 1921–1946 гг. С одной стороны, любители истории знают, что независимое монгольское государство появилось в 1921 г. в результате Монгольской народной революции (5–7 июля 1921 г.), проведённой с помощью частей 5-ой Красной Армии Советской России. МНР была образована уже в 1924 г. С другой стороны, мало кто представляет, что, с точки зрения международного права, де-юре МНР появилась только в 1946 г., а до этого времени её формально не существовало, она была официально частью территории гоминьдановской Китайской Республики. Китайский статус был подтверждён Москвой в советско-китайском «Соглашении об общих принципах для урегулирования вопросов» от 31 мая 1924 г. В статье 5 соглашения говорилось, что данный документ определяет Внешнюю Монголию как «составную часть Китайской Республики»⁵. В 1930-е гг. Китай заявил

В январе 1934 г. Управлением военной топографии РККА была издана карта, по которой государственные границы показаны проходящими по р. Халхин-Гол

⁴ Там же, лист 65.

⁵ Советско-китайские отношения. 1917-1957.: Сборник документов. М., 1958. С. 83.

протест советскому руководству по поводу подписания Москвой и Улан-Батором Протокола о взаимопомощи 1936 г., назвав его сепаратным соглашением СССР с частью территории Китая (Внешней Монголией). На период конфликта на р. Халхин-Гол ситуация де-юре не изменилась: формально МНР/Внешняя Монголия оставалась частью Китайской Республики.

Двойственный характер монгольского статуса стал меняться в результате активной сталинской дипломатии в годы Второй мировой войны. 8 февраля 1945 г. в ходе начавшейся Ялтинской конференции великих держав И.В. Сталин на одной из встреч спросил американского президента Франклина Рузвельта, что тот думает «о сохранении статус-кво Внешней Монголии». Рузвельт ответил, что он ещё не говорил по этому вопросу с Чан Кайши, но думает, «что статус-кво Внешней Монголии должен быть сохранён»⁶. Примечательно, что и Ф. Рузвельт, и другие руководители держав однозначно трактовали статус-кво Монголии как де-факто реально существующее «самостоятельное государственное образование», находящееся под влиянием СССР.

11 февраля 1945 г. было подписано соглашение руководителей СССР, США и Великобритании об условиях вступления СССР в войну с Японией, первым из которых было названо «сохранение статус-кво Внешней Монголии (МНР)». «Предполагается, – говорилось далее, – что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железной дороги потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету маршала И.В. Сталина президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие. Со своей стороны, Советский Союз выражает готовность заключить с национальным китайским правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооружёнными силами в целях освобождения Китая от японского империализма».

В развитие ялтинских договорённостей 30 июня 1945 г. в Москву прибывает китайская правительственная делегация во главе с премьер-министром и министром иностранных дел Сун Цзывэнем. Монгольский вопрос стал на переговорах одним из центральных. Для китайской стороны это был последний шанс решить его на высшем уровне в свою пользу, тем

⁶ СССР на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Крымская конференция руководителей трёх союзных держав СССР, США и Великобритании. 4–11 февраля 1945 г.: Сборник документов. М., 1984. Т. IV. С. 130.

самым частично пересмотрев Крымское соглашение. Однако все попытки китайцев поставить вопрос о включении МНР в состав Китая были пресечены заявлением И.В. Сталина о том, что «в случае, если не будет обсуждаться декларация о независимости Внешней Монголии, то мы не будем обсуждать и другие вопросы. Тогда давайте прервём переговоры». Советское руководство одновременно дало понять китайским представителям, что СССР не вступит в войну против Японии без признания Китаем независимости МНР. В результате китайская сторона 14 августа 1945 г. уступила, настаивая на том, чтобы решение о независимости МНР/Внешней Монголии было подтверждено плебисцитом. Плебисцит в МНР, проведённый 20 октября 1945 г., подтвердил желание монгольского народа существовать независимо от Китая. Голосование выявило всенародную поддержку идеи независимости МНР, отразив и многообразие монгольского общественного мнения, в частности, по проблеме взаимоотношений России, Монголии и Китая.

Таким образом, монгольский вопрос в международно-правовом плане в период Второй мировой войны был решён. В результате реализации решений Ялтинской конференции, положений советско-китайского договора от 14 августа 1945 г., итогов плебисцита в МНР, а также ввиду признания Китаем 5 января 1946 г. независимости МНР последняя приобрела полноценный международный статус суверенного государства.

Стратегическая «ось» Москва—Улан-Батор была закреплена Договором о дружбе и взаимопомощи между СССР и МНР, подписанным в Москве 27 февраля 1946 г. В ст. 2 Договора говорилось: «Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики обязуются в случае военного нападения на одну из договаривающихся сторон оказать друг другу всяческую, в том числе и военную, помощь».

Другими словами, в международно-юридическом смысле МНР до 1946 г. не существовало и единственным государством, которое её поддерживало и признавало, был Советский Союз. Очевидно, если бы не жёсткая сталинская позиция на Ялтинской конференции и на московских переговорах с китайцами, судьба Внешней Монголии была бы определена как часть Китайской Республики Чан Кайши. И монгольской государственности не было бы ни де-юре, ни де-факто. Это исто-

Если бы не жёсткая сталинская позиция на Ялтинской конференции и на московских переговорах с китайцами, монгольской государственности не было бы ни де-юре, ни де-факто

рические реалии, которые в современной монгольской историографии либо вообще не упоминаются, либо даются искажённо.

В заключение следует отметить следующие значимые аспекты в политике исторической памяти по этому вопросу.

- Стремительный экономический рост современного Китая, постепенное превращение его в один из центров мирового влияния, а также выход Монголии в начале 1990-х гг. из-под советской опеки и усиление её в качестве самостоятельного субъекта международных отношений сказываются на степени мировой значимости взаимосвязей России, Монголии и Китая. На сегодняшний день Монголия перестала быть «заложником» российско-китайских отношений времён Российской и Цинской империй, в годы советско-китайских разногласий и в другие периоды. Монголия сегодня ведёт активные поиски своего экономического и политического места в мире, адекватного её национальным интересам.
- Халхин-Гол стал ключевым событием по сохранению национальной независимости и территориальной целостности МНР. Москва выполнила свои обязательства перед Улан-Батором по Протоколу 1936 г., сохранив свой полный политический, экономический и военный контроль над этой монгольской территорией.
- В 1990-е гг. Монголия провозгласила новое внешнеполитическое направление, наряду с традиционными российским и китайским, — опора на «третью силу» (Запад), сбалансировав внешние факторы влияния на неё. Это была не только попытка найти дополнительные (донорские) ресурсы развития и модернизации, но и, на наш взгляд, желание вырваться из традиционной зависимости от влияния северного (Россия) и южного (Китай) соседей. На сегодняшний день фактор «третьего соседа» не является серьёзным препятствием для развития добрососедских российско-монгольских отношений, а восстановление истории победы советско-монгольских вооружённых сил на р. Халхин-Гол в июне–сентябре 1939 г. помогает укреплению традиционных связей дружбы между монгольским и российским народами.
- Необходимы совместные российско-монгольские исследования спорных и малоизученных вопросов, включая те, которые подняты в данной публикации. Для большей объективности необходима совместная работа в российских и монгольских архивах, проведение «круглых столов» и конференций в Москве, Улан-Баторе и Токио.

Вопросы исторической памяти в российско-японских отношениях

Дмитрий Стрельцов

80-летие событий на Халхин-Голе, отмечаемое в нынешнем году, заставляет задуматься о том, какое воздействие оказал фактор исторической памяти на историю российско-японских отношений. Разгром японской группировки совместными советско-монгольскими силами летом 1939 г. охладил «горячие головы» в японском Генеральном штабе, заставив более трезво посмотреть на военный потенциал СССР и изменить направление внешней экспансии. Ранее запланированные японскими военными планы нападения на советский Дальний Восток были скорректированы, и агрессия пошла на Юг, а СССР и Япония вскоре заключили Пакт о нейтралитете, который продолжал действовать на протяжении всей Великой Отечественной войны, служа дополнительной страховкой против японского нападения в наиболее сложные её периоды.

За Халхин-Гольскими событиями, ставшими апофеозом враждебного противостояния СССР и Японии 1930-х гг., последовала короткая передышка в виде четырёхлетнего «нейтралитета», прерванная советско-японской войной августа 1945 г. Все эти события определили место эпохи 1930-х – первой половины 1940-х гг. в истории двусторонних отношений с момента их зарождения как период наибольшей враждебности и наивысшей конфронтации. И хотя уровень конфликтности в эти полтора десятилетия был разным, всегда сохранялся риск её перерастания в полномасштабную войну. Именно этот период истории двусторонних отношений, пожалуй, оставил наиболее сильный след в коллективной памяти обоих народов, на долгую перспективу оказав негативное влияние на восприятие страны-партнёра.

Халхин-Гол стал ключевым событием по сохранению национальной независимости и территориальной целостности МНР

В целом, историческая память в современную эпоху является мощным внешнеполитическим орудием в руках государств. Наличие у того или иного государства и его народа «исторических обид» нередко выступает критерием для оценки со стороны страны-партнёра степени той угрозы, которую она ощущает от этого государства⁷. Цель настоящей статьи — попытаться дать оценку того, как и в чём проявлялся фактор исторической памяти в советско-японских отношениях в послевоенный период.

Историческая память в советско/российско-японских отношениях: взгляд из Москвы

В послевоенном СССР Япония никак не ассоциировалась с нерешёнными проблемами истории или «историческими обидами». Послевоенное поколение советских людей уже не помнило о русско-японской войне, которая благодаря политическому просвещению масс, скорее, была не более чем иллюстрацией кризиса царизма, борьбой империалистических хищников, но никак не «священной войной» за интересы великой страны. Что же касается японской интервенции в Сибирь и на Дальний Восток 1918–1922 гг., она всё же была эпизодом гражданской войны, в результате которой окончательно сформировалось советское государство, поэтому нередко становилась объектом пропагандистской мифологии, целью которой было, скорее, героизировать Красную армию и партизанское движение, установивших советскую власть, нежели подогреть ненависть к японским оккупантам.

И хотя это был единственный случай в истории двусторонних отношений, когда война шла на территории России, а оккупантами были японцы, в большинстве дидактических материалов советского времени, посвящённых интервенции на Дальнем Востоке, основной

⁷ Pollmann E. M. *Japan's Security and Historical Revisionism: Explaining the Variation in Responses to and Impact of Textbook Controversies* // *Journal of Asian Security and International Affairs*. 2016. No.3(3). DOI: 10.1177/2347797016670704. P.308.

обличительный пафос был направлен на белогвардейцев и белоказачков, которые по сравнению с японцами творили куда более страшные преступления против мирного населения, поддерживавшего красных.

Справедливости ради стоит сказать, что и японские карательные отряды оставили о себе недобрую память (достаточно вспомнить село Ивановка, в котором в результате карательной экспедиции японцев в марте 1919 г. погибло несколько сотен мирных жителей, в том числе женщины и дети)⁸. Широкое хождение получила история о сжигании живьём в паровозной топке переданного японцами белоказакам красного партизана Лазо, не имевшая ничего общего с действительностью (на самом деле партизанский командир был расстрелян). Однако миф этот оказался настолько живучим, что в 1972 г. в Уссурийске был установлен на постаменте и с соответствующей табличкой, якобы, тот самый паровоз. Японцы также нередко представлялись в окарикатуренном виде – вспомним фильм «Волочаевские дни» 1937 г., где полковник Усидзима предстаёт в слегка одураченном образе. Претензии в отношении японцев были связаны в большей степени с хищнической эксплуатацией и вывозом ими природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока в период военной оккупации, с отказом возвращать «царское золото», чем с творившимися ими зверствами.

Что касается периода Второй мировой войны, конфликт с Японией был скоротечным и победоносным, продлившись менее трёх недель. Японские войска не нанесли крупного ущерба советским гражданам и советской экономике, так как все боевые действия проходили за пределами СССР. Поскольку заявление Токио о принятии условий Потсдамской декларации последовало уже через неделю после объявления СССР 8 августа 1945 г. войны Японии, больших людских потерь, сопоставимых с потерями в Европе, эта война нашей стране не принесла. И хотя И.В. Сталин, выступая по радио в связи с капитуляцией Японии 2 сентября 1945 г., апеллировал к чувству исторической справедливости, аргументируя вступление СССР в войну с Японией не столько союзническими обязательствами СССР,

**Историческая память
в современную эпоху
является мощным
внешнеполитическим
орудием в руках
государств**

⁸ В 1995 г. японцами поставлен здесь монумент памяти жертв и покаяния японского народа за случившееся.

сколько нанесёнными ею «историческими обидами» (касающимися русско-японской войны и интервенции на Дальнем Востоке), «благородной ярости», не говоря уже о желании мстить, среди советских людей Япония не вызывала.

Сам же Сталин мыслил категориями глобального послевоенного мироустройства и не считал поверженную и оккупированную Японию достойной большого внимания в своих стратегических расчётах, оставив её в зоне влияния американцев. Солидарность с коммунистическим Китаем, основным союзником СССР в Азии, который не был приглашён на Сан-Францисскую конференцию в сентябре 1951 г., была основной причиной, по которой Москва решила не подписывать мирный договор с Японией. Полагая, что окончательную точку в спорах на Дальнем Востоке поставит лишь Третья мировая война, Сталин считал любой мирный договор с Японией временным.

Однако после смерти И.В. Сталина новое советское руководство провозгласило курс на мирное сосуществование, и вопрос об урегулировании отношений с Японией вновь актуализировался. Советская политика по отношению к Японии в 1950-е гг. строилась на постулате о необходимости «отрыва» Японии от союза с США, превращения её в мирное и демократическое государство, с территории которого не исходит военной угрозы. Результатом этой политики явилось подписание Совместной советско-японской декларации 1956 г., в которой были зафиксированы условия мирного урегулирования. Стороны пришли к согласию о том, что не имеют никаких взаимных претензий по итогам прошедшей войны, а СССР отказывался от любых репарационных требований к Японии. С позиций Москвы это означало «прощение» Японии не только за милитаристскую политику 1930–1940-х гг., но и за события более отдалённого исторического прошлого. Обещание Н.С. Хрущёва передать Японии два Южно-Курильских острова было фактически попыткой подкупить Токио, заставив его отказаться от союза с Соединёнными Штатами – попыткой, с самого начала обречённой на провал, так как к тому времени Токио уже окончательно определился в своём внешнеполитическом выборе.

«Прощение» Японии не вызывало внутри СССР какого-либо неприятия по той причине, что послевоенное поколение советских людей

к тому времени уже смутно помнило об исторических грехах японцев, связанных с интервенцией на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг., не говоря уже о русско-японской войне, а «прощать» их за преступления, совершённые на территории даже союзного Китая было не так сложно. К тому же Китай с начала 1960-х гг. к тому времени стремительно перемещался из категории союзника в категорию злейшего врага и военного противника, а потому поддерживать его нападки на Японию было в тот период как минимум нелогично.

Свою роль играло и то, что ещё в 1950-е гг. Япония, разместившая в соответствии с договором о безопасности американские военные базы на своей территории, представлялась советской пропагандой как страна, оккупированная США и наряду с прочими странами афро-азиатского мира решающая, в соответствии с постулатами ленинской теории, задачу своего национального освобождения. Стереотип о том, что Япония является страной-сателлитом, находящейся в прямой внешнеполитической зависимости от заокеанского партнёра, прочно закрепился в сознании целого поколения советских людей. Они считали, что страдающая под «пятой американцев» Япония уже получила жестокий урок истории, а потому дополнительно «пинать» её за прошлое будет примерно то же, что и «бить лежачего», что в России считается большим грехом.

Когда же Япония в 1960-е гг. вступила в период высоких темпов экономического роста и стала проявлять интерес к освоению природных богатств Сибири и Дальнего Востока, внесение в повестку дня двусторонних отношений, уже отягощённых территориальной проблемой, каких-либо претензий, связанных с историческим прошлым, стало бы сильным препятствием для налаживания экономического сотрудничества, в котором Москва была заинтересована не меньше Токио. К тому же, брежневскому СССР приходилось вести войну на два фронта – против США и против Китая. Когда в начале 1970-х гг. появились первые признаки американо-китайского примирения, Москва, испугавшись закулисного сговора двух соперников на антисоветской основе, попыталась «окучивать» Японию, предложив ей два острова в обмен на дружественный нейтралитет (А.А. Громыко, министр иностранных дел СССР в 1957–1985 гг., даже специально ездил для этого в Токио в январе 1972 г.). И хотя инициатива Москвы не имела успеха, СССР, будучи

заинтересованным в стабильных экономических отношениях с Японией, предпочитал без нужды не раздражать её какими-либо нападками по поводу исторического прошлого, выдерживая при этом жёсткую позицию по территориальному вопросу.

Советская пропаганда уделяла мало внимания и уж во всяком случае не создавала эмоционального накала и вокруг тех вопросов истории, которые будоражили азиатские народы, пострадавшие от японской агрессии. Это касалось вопроса репараций, проблемы учебников истории, особенно актуализировавшейся в начале 1980-х гг., визитов японских премьеров в храм Ясукуни (практика началась в 1985 г.). Что же касается японских территориальных претензий, то эта тема была фактически табуирована как на уровне пропаганды, так и на уровне научных исследований – считалось, что такой проблемы нет вообще, а её настойчивое продвижение Токио на повестку дня двусторонних отношений отражает лишь его реваншистские устремления и желание пересмотреть итоги Второй мировой войны.

Ящик Пандоры был открыт только М.С. Горбачёвым в 1991 г. Провозглашённое им «новое мышление» в числе прочего означало отказ от былых стереотипов и крайне самокритичное видение собственной истории. Применительно к советско-японским отношениям это означало признание ряда несправедливостей, совершённых СССР в отношении Японии в период Второй мировой войны, в связи с чем необходимо строить двусторонние отношения «с чистого листа», не оглядываясь на тёмное прошлое. Действуя в духе «нового мышления», М.С. Горбачёв признал наличие в двусторонних отношениях нерешённой проблемы принадлежности четырёх Южно-Курильских островов, которые были названы поимённо в совместном заявлении, подписанном в ходе его визита в Токио в апреле 1991 г. После ухода Горбачёва эта линия была продолжена Б.Н. Ельциным, который выступил с официальными извинениями по поводу негуманного отношения к 600 тысячам японских военнопленных и сохранил линию на официальное признание проблемы принадлежности четырёх островов.

Ситуация качественно изменилась с начала 2000-х гг., когда президентом России стал В.В. Путин. Курс был взят на усиление идентичности как победителя во Второй мировой войне, на акцентирование

статуса России как страны-правопреемника СССР, который выступил одним из демиургов послевоенного мироустройства. Была концептуализирована ранее невнятно звучавшая позиция по поводу вступления СССР в войну против Японии – что это решение было принято на основе положений Устава ООН, направленных на скорейшее завершение войны и имевших правовой приоритет по отношению к любым договорным обязательствам стран-подписантов, включая и советско-японский Пакт о нейтралитете.

Позиция России по единственной из проблем исторического прошлого, оставшейся на повестке дня двусторонних отношений – проблемы линии границы, – стала заключаться в том, что решать её необходимо на основе Декларации 1956 г. Однако перспектива передачи Японии двух Южно-Курильских островов после подписания мирного договора, даже в соответствии с условиями указанной декларации, мягко говоря, не пользуется популярностью среди российских граждан, а её реализация, бесспорно, ударила бы по авторитету российского президента и российской власти в целом. На этом фоне Москва устами министра иностранных дел С.В. Лаврова в качестве базового условия для обсуждения вопроса о выполнении условий декларации, касающихся передачи ей островов, выдвинула изначально неприемлемое для Японии условие – официальное признание итогов Второй мировой войны, по которым Южные Курилы перешли под суверенитет СССР. В июле 2019 г. в СМИ появилась информация, что Россия вообще отказывается вести на этот счёт с Японией какие-либо переговоры (в качестве причин называлось её опасение, что на передаваемых островах могут быть размещены американские военные базы, а также неблагоприятные внутривнутриполитические последствия такого шага)⁹. Таким образом, пограничная проблема как нерешаемый, но исключительно резонансный вопрос исторического прошлого, очевидно, будет ещё долго отравлять атмосферу двусторонних отношений.

**И.В. Сталин
аргументировал
вступление СССР в войну
с Японией нанесёнными
ей «историческими
обидами» русско-
японской войны
и интервенции
на Дальнем Востоке**

⁹ *Japan Times: Россия отказалась обсуждать с Японией передачу двух островов // ИноТВ. 2019. 15 июля. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2019-07-15/Japan-Times-Rossiya-otkazalas-obsuzhdad>*

Подход Японии к вопросам исторического прошлого в отношениях с Россией

В Японии имеется консервативная и прогрессивная традиции в подходе к её месту и роли во Второй мировой войне¹⁰. Консервативная традиция предполагает «гламурный» взгляд на собственную историю. Как полагают её сторонники, послевоенное японское государство является преемником довоенной императорской Японии, соответственно, не стоит огульно отрицать всё наследие довоенного времени, подведя под ним жирную черту, подобно тому, как послевоенная Германия полностью отмежевалась от своего нацистского прошлого. Эта традиция предполагает преуменьшение агрессивного характера действий японского милитаризма (так как в противном случае смерть сотен тысяч японских военнослужащих становилась бы бессмысленной) и возвеличивание жертв, понесённых военным поколением японцев ради славы нации и государства. Сторонники этой традиции утверждают, что японская политика военного времени была оборонительной, что продвижение (а не агрессия) Японии на материке была реакцией на политику «белого колониализма» и даже ставила себе целью освободить от него азиатские народы, что разговоры о японских преступлениях военного времени (Нанкинская резня, «отряд 731», «женщины для утешения» и т.д.) были как минимум преувеличены и лишены доказательных оснований, и что сама Япония стала жертвой правосудия победителей над побеждёнными¹¹. Иными словами, вина страны заключается не в каких-то особых «преступлениях», связанных с экспансионистской политикой, а лишь в том, что она проиграла войну.

Из этого вытекает, что несправедливы и юридические итоги Второй мировой войны, зафиксированные без участия Японии и без учёта её интересов. Среди значительной части политического руководства страны, равно как и общественного мнения, распространена точка зрения о том, что основные условия послевоенного мироустройства, касающиеся

¹⁰ Dian M. *Interpreting Japan's Contested Memory: Conservative and Progressive Traditions // International Relations*. 2015. No. 29(3). DOI: 10.1177/0047117815600932. P.363–377.

¹¹ Rothermund D. *The Self-Consciousness of Post-Imperial Nations. A Cross-National Comparison // India Quarterly*. 2011. No. 67(1). DOI: 10.1177/097492841006700101. P. 14.

договорённостей И.В. Сталина с союзниками относительно Японии, по которым СССР возвращал себе Южную часть Сахалина и получал Курилы в компенсацию за своё вступление в войну, являются проявлением территориального экспансионизма, противоречащего подписанной самими же союзниками Атлантической хартии (где говорится о том, что страны, её подписавшие, не стремятся к территориальным или другим приобретениям). Особый акцент при этом делается на том, что Ялтинские соглашения заключались тайно и без участия Японии, а значит изначально к ней несправедливы.

Что касается Устава ООН, по которому Япония должна была признать все договорённости между союзниками, которые привели к окончанию Второй мировой войны, а также положения Сан-Францисского мирного договора, по которому Япония отказывалась от Курильских островов, то консерваторы оценивают признание этих документов как неизбежное зло, которое оправдывается лишь тем, что это позволило Японии вступить в ООН и стать полноценным членом международного сообщества. Вместе с тем многие в Японии не считают Ялтинско-Потсдамскую систему «священной коровой» и указывают на то, что многие её элементы утрачивают своё значение в современном мире и потому нуждаются в модификации.

В свою очередь, сторонники прогрессивной традиции в своей риторике акцентируют страдания простых японцев в ходе войны, ставших жертвами милитаристской элиты. По их мнению, гражданское население понесло колоссальные потери от войны, в том числе от атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Прогрессивная традиция делает упор на пацифизм, на протест против ядерного оружия, распространившегося в мире после войны. Следует отметить, что «прогрессисты» считают жертвами милитаристского режима в первую очередь самих рядовых японцев, а не другие народы Азии, а потому не считают нужным каяться, испытывая перед этими народами коллективное чувство вины¹². Однако по вопросу о «северных территориях» «прогрессисты» занимают солидарную с консерваторами позицию, хотя упор делается не на несправедливость Ялтинских соглашений и не на советский «территориальный экспансионизм», а на гуманитарную составляющую проблемы — на страдания бывших жителей островов, которые в 1945–1947 гг. были насильственно переселены на основную территорию Японии и прожили свою жизнь в изгнании, на трудности, которые испытывают их потомки, лишённые права свободного посещения могил предков и т.д.

¹² Dian M. *Interpreting Japan's Contested Memory: Conservative and Progressive Traditions // International Relations*. 2015. No. 29(3). DOI: 10.1177/0047117815600932. P. 369.

Следующий вопрос заключается в том, каким образом эти две традиции проявляли себя в практическом курсе Японии по отношению к СССР/постсоветской России?

В послевоенный период Япония придерживалась «доктрины Ёсида», согласно которой Япония должна во всём поддерживать США на мировой арене, сосредоточившись на целях мирного экономического развития. Япония сделала ставку на военно-политический союз с Америкой, с которой, как констатировал премьер-министр Ясухиро Накасонэ в 1983 г., Япония связана «единством судьбы». В основе такого подхода, помимо всего прочего, лежала «благодарность» США за спасение Японии от сталинской оккупации. Для послевоенной Японии Советский Союз был главным внешним врагом, который к тому же захватил и оккупировал часть её исконных территорий.

Основная часть однопартийного правления Либерально-демократической партии Японии (ЛДП) пришла на проамериканские и антисоветские кабинеты, усердно проводившие «доктрину Ёсида» в жизнь. Лишь Хатояма Итиро в 1955–1956 гг. и отчасти Танака Какуэй (в 1973 г.) пытались вести с СССР диалог, пренебрегая базовыми постулатами «доктрины». Однако эти попытки были неудачными – мирный договор между двумя странами за несколько послевоенных десятилетий так и не был подписан, а политический диалог фактически заморожен, хотя официальные отношения были восстановлены ещё в 1956 г. Провал усилий по налаживанию добрососедских отношений был в немалой степени связан с преобладанием на массовом уровне такого видения недавнего исторического прошлого, в котором СССР предстал в демонизированном свете.

В той своей части, которая была связана с ролью СССР в минувшей войне, историческое образование японцев способствовало формированию у целого послевоенного поколения своего рода «комплекса виктимности» – ощущения себя жертвой советского экспансионизма. Японцев учили, что СССР вероломно напал на Японию, нарушив пакт о нейтралитете, действовал в последние дни войны как «вор на пожаре», захватив под шумок исконные японские земли (Южные Курилы), насильственно увёз в сибирский плен около 600 тыс. бывших японских военнослужащих, которые, в соответствии с условиями Потсдамской декларации, должны были после официально объявленной императором Японии 15 августа 1945 г. капитуляции быть возвращены «к родным очагам». Поскольку ни СССР, ни современная Россия так в должной мере и не «покаялись» за содеянное, японцы считают

её «недружественным» государством. Как показывают результаты японских общественных опросов, положительный ответ на вопрос, относится ли респондент «с симпатией» к России, почти никогда не превышал 20%, за исключением короткого периода «горбимании» (популярности СССР эпохи Горбачёва) конца 1980-х – начала 1990-х гг.¹³

Это, в свою очередь, создавало японцам чувство психологического комфорта – быть коллективной жертвой всегда приятнее, чем коллективным агрессором. Апеллирование к «комплексу жертвы» со стороны политиков было беспроблемным ходом, ведь за ним стоял общенациональный консенсус. Например, с начала 1980-х гг. на фоне нового витка холодной войны в стране по инициативе правящей партии развернулось массовое движение за возвращение «северных территорий» и был учреждён День северных территорий, в ходе которого премьер-министр под прицелом телекамер «инспектировал» Южные Курилы, рассматривая их в бинокль с борта пограничного катера. Около 84 млн японцев – более 80% взрослого населения страны – поставили свои подписи под петицию за возвращение «северных территорий»¹⁴. Это в немалой степени способствовало повышению рейтингов правящей партии.

С начала 1990-х гг. Япония, вторая экономика мира, стала проявлять устремления к роли мирового политического лидера. Она начала активно претендовать на место постоянного члена в СБ ООН и выступать за пересмотр Устава ООН, в котором содержится тезис о «вражеских государствах». В выступлениях политических руководителей страны зазвучал тезис о необходимости «подвести черту» под своим послевоенным прошлым и стать «ответственной» державой, «обычной страной», не отягощённой никакими пацифистскими ограничениями. В политическую повестку дня был включён вопрос о пересмотре мирной конституции.

В качестве аргумента в пользу «подведения черты», помимо усилившихся экономических и международно-политических позиций Японии в мире, приводятся качественные сдвиги во всей послевоенной системе мирового порядка, произошедшие после окончания холодной войны. К числу

С приходом в 2000 г. Путина среди политического истеблишмента Японии усилились симпатии к России как к естественному «противовесу» мировым гегемонам в лице США и Китая

¹³ Чугров С.В. *Образ России в Японии и образ Японии в России. Рабочая тетрадь РСМД № 33*. 2016. М.: НП РСМД, 2016. С.52. URL: <https://russiancouncil.ru/common/upload/Russia-Japan-Paper33-ru.pdf>

¹⁴ Brown J.D.J. *Japan, Russia and their Territorial Dispute: The Northern Delusion*. NY: Routledge, 2016. P. 81.

последних относят распад биполярного мира, развал СССР, крах социалистической системы, расширение НАТО на Восток, прецеденты, связанные с изменением границ государств, в том числе и в Европе. Согласно этой логике, политика «подведения черты» под послевоенным прошлым, помимо внутренних аспектов, связанных с отказом Японии от послевоенного пацифистского наследия и её превращением в полноценную военную державу, по сути, предполагает признание необходимости внесения в международные нормы и правила, основанные на договорённостях между союзниками во Второй мировой войне, определённых коррективов в соответствии со сложившимися реальностями.

Этой линии немало способствовали качественные изменения в японской внутренней политике, произошедшие после окончания холодной войны. Смена поколений привела к существенному поправлению электоральных слоёв, усилению националистических взглядов в японском обществе, запросу на проведение проактивной внешней политики, нацеленной на защиту национальных интересов страны с помощью не только экономических, но и военных рычагов. С начала 2000-х гг. во власти закрепляется «антиосновное течение» ЛДП, традиционно делающее упор на собственных (т.е. отличающихся от американских) внешнеполитических интересах страны. Наиболее представительными кабинетами, выражающими эту тенденцию, стали правительства Дзюньитиро Коидзуми в 2001–2006 гг. и Синдзо Абэ в период с 2012 г. по настоящее время.

По отношению к России эта традиция проявила себя неоднозначно. Первый всплеск надежд на пересмотр послевоенной парадигмы мирового порядка относится к концу биполярного периода. С провозглашением горбачёвского «нового мышления» в Японии возникли надежды, что решительный отказ от сталинского наследия приведёт и к пересмотру позиции России о неизблемости итогов Второй мировой войны в японском контексте. В Японии считали, что Москва, действуя по канонам «нового мышления», должна будет в числе прочих преступлений сталинского режима в отношении Японии, среди которых называются негуманное отношение к японским военнопленным и «вероломное нарушение» ею Пакта о нейтралитете 1941 г., исправить допущенную ею несправедливость в виде аннексии Южно-Курильских островов и, соответственно, вернуть их Японии. В 1990-е гг. этот аргумент нередко приводился японской стороной с целью побудить Россию пойти на уступки по территориальному вопросу.

По мере усиления напористости российской внешней политики, направленной на отстаивание своих национальных интересов, которое ассоциировалось с приходом в 2000 г. Путина на пост президента, среди части консервативного политического истеблишмента Японии, недовольного подчинённым положением Японии в системе военно-политического союза с Америкой, усилились симпатии к России как к естественному «противовесу» мировым гегемонам в лице США и Китая. Именно их выразителем в значительной степени выступает премьер-министр С. Абэ, являющийся сторонником активного укрепления отношений с Москвой и заключения с ней мирного договора на основе взаимного компромисса по территориальному вопросу.

Однако эта компонента пользуется лишь ограниченной поддержкой как в руководстве, так и низах правящей ЛДП. Скорее, в партии преобладают те националистические слои, которые настроены анти-российски и считают, что Япония должна использовать политику «дожимания» России по территориальному вопросу. Некоторые из них считают, что по мере утраты своих экономических и политических позиций в мире Россия станет более «сговорчивой» по территориальному вопросу, а потому никакой готовности к компромиссу в духе «дипломатии Абэ» проявлять не следует, нужна только исключительно жёсткая позиция. Например, когда в мае 2019 г. из издаваемой МИД Японии «Голубой книги по дипломатии» 2019 г. было исключено положение о том, что «четыре острова принадлежат Японии» (это было сделано явно по настоянию внешнеполитических советников Абэ с тем, чтобы подобная оценка не сказалась негативно на ведущихся с Россией переговорах), из органов внешнеполитического планирования ЛДП, отражающих мнение партийной элиты, прозвучала в адрес этого решения резкая критика¹⁵.

Следует отметить, что такие взгляды во многом демонстрируют широкие общественные настроения. Россию японцы в массе своей по-прежнему считают «недружественным государством» — она остаётся в их глазах «красной», «советской» и крайне непредсказуемой. Примечательно, что негативные ассоциации, связанные с Россией, преобладают в Японии вне контекста, связанного с Крымом и украинскими событиями: они сформировались гораздо раньше, ещё в период холодной войны, и обладают высокой степенью устойчивости, воспроизводя себя в новых поколениях. Показательным

¹⁵ 「北方四島は日本に帰属」の記載削除、自民内で批判続出 鬼原民幸 2019年5月10日16時40分 URL: <https://www.asahi.com/articles/ASM5B557ZM5BUTFK010.html>

в этом отношении является то, что, если после крымских событий в мире наблюдалось резкое ухудшение отношения к России, в Японии ничего подобного не произошло – оно изначально было очень плохим и таковым и осталось. Например, согласно опросу Pew Research Center, если в США в 2013 г. плохого мнения о России придерживалось 43 % граждан, то после событий на Украине в 2014 г. – 72 % респондентов, в Европе, соответственно, эти цифры составили 54 и 74%. В Японии же ухудшение имиджа России составило лишь не очень значительные 5% – с 64 до 69%¹⁶.

Вместе с тем в Японии существенно сократилась прослойка симпатизирующих России из числа бывших сторонников просоветски настроенных левых партий. В период биполярного мира электорат Социалистической партии, отчасти Партии демократического социализма и Коммунистической партии позитивно оценивал роль СССР во Второй мировой войне, полагая, что его вступление в войну ускорило заключение мира и позволило Японии избежать новых жертв. Пафос левых был направлен против американского империализма, который после войны втянул Японию в свою орбиту, заставив подписать союзный договор. Однако в середине 1990-х гг. Социалистическая партия Японии, которая в своей внешнеполитической ориентации традиционно делала ставку на СССР, практически полностью ушла с политической арены. Коммунистические идеи на массовом уровне утратили свою привлекательность среди части японского общества, и новая Россия мало чем могла похвастать в плане привлечения симпатий рядовых японцев. На этом фоне советофобские и русофобские настроения, связанные с территориальной проблемой, перестали «балансируются» симпатиями в отношении постсоветской России среди электората левых партий, рассматривавших СССР в качестве идеала и естественной альтернативы капиталистической системе.

В то же время наиболее левая партия – Коммунистическая – изначально придерживалась наиболее «антисоветской» точки зрения на проблемы истории Второй мировой войны. Её официальная позиция не признает легитимным переход к Советскому Союзу не только Южных Курил, но и Южного Сахалина и всех Курильских островов (!), который оценивается в качестве акта политики территориального экспансионизма сталинского режима. А ведь именно эта партия после фактического исчезновения социалистов с политической арены страны в конце 1990-х гг. стала одним из главных проводников прогрессистской традиции антимилитаризма.

¹⁶ Казаков О.И. *Российско-японские отношения в 2014 году // Ежегодник Японии. 2015. С. 20-35.*

В постбиполярный период левые и левоцентристские силы Японии стали относиться к России в контексте территориальной проблемы даже более прохладно, чем консервативная ЛДП. Например, именно при правлении левоцентристской Демократической партии Японии (ДПЯ) в ноябре 2009 г. на уровне МИД страны была принята официальная формулировка о «незаконно оккупированных территориях», вызвавшая кризис в двусторонних отношениях¹⁷. Мотивом ДПЯ, делавшей ставку на популизм, очевидно, было получение внутривластных дивидендов от использования России в качестве «боксерской груши».

Эта же традиция сохранилась и в партиях, ставших премьерами ДПЯ после её роспуска в 2017 г. накануне парламентских выборов, включая вторую по силе оппозиционную Конституционно-демократическую партию (КДП). Когда С. Абэ в ноябре 2018 г. предложил решать территориальный вопрос с Россией на основе Декларации 1956 г., с наиболее резкой критикой его позиции выступили именно представители КДП. Например, председатель КДП Юкио Эдано заявил в ноябре 2018 г., что Япония не должна отступать от линии на то, что Японии в историческом и юридическом смысле принадлежат все четыре острова¹⁸. Критиковал Абэ за «неспособность выразить позицию» страны на переговорах с Россией и генеральный секретарь КДП Фукуяма Тэцуро¹⁹. А депутат той же партии Кэндзи Эда назвал частые поездки Абэ в Россию «дипломатией данничества»²⁰.

Что касается самого Абэ, для него отношения с Россией имеют сильно выраженный внутривластный контекст, связанный с возможностью набрать дополнительные кредиты доверия со стороны избирателей, в повышении которых он нуждается на фоне внутривластных скандалов с его участием. Даже осознавая бесперспективность решения проблемы

В Токио опасаются, что испорченные отношения с Россией и её внешнеполитическая изоляция чреваты риском её блокирования с Китаем

¹⁷ Правительство Японии окончательно объявило Южные Курилы «незаконно оккупированными» Россией // NewsRU. 2009. 24 ноября. URL: <https://www.newsru.com/world/24nov2009/kurily.html>

¹⁸ 父の遺志引き継ぐ安倍首相、北方領土解決へ正念場—政権レガシーにHenry Meyer、延広絵美、Isabel Reynolds, Stepan Kravchenko 2018年12月21日 9:20 JST <https://www.bloomberg.co.jp/news/articles/2018-12-21/PJZAJ06J-TSE801>

¹⁹ PM Abe Avoids Describing Russian-Held Northern Territories as Inherently Japanese // Mainichi Japan. 2019. February 2. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20190202/p2a/00m/0na/023000c>

²⁰ Brown J.D.J. Abe's Underperforming Russia Policy Faces Growing Political Backlash // East Asia Forum. 2019. March 13. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2019/03/13/abes-underperforming-russia-policy-faces-growing-political-backlash/>

«северных территорий», С. Абэ апеллирует к гуманитарной её составляющей, а именно – к необходимости облегчить страдания бывших островитян и их потомков, а его усилия в этом направлении транслируются при помощи медиа в образ заботливого отца нации.

Антироссийское общественное мнение в силу нерешённой проблемы границы всегда будет служить серьёзным ограничителем на пути расширения политического диалога с Россией, и курс на развитие добрососедских отношений потребует от политического руководства страны существенной смелости. Между тем в Токио, очевидно, опасаются, что испорченные отношения с Россией и её внешнеполитическая изоляция чреваты риском её блокирования с Китаем, который в перспективе представляет гораздо большую проблему для национальной безопасности Японии, чем Россия. С одной стороны, российский военно-технический потенциал может способствовать существенному усилению китайской военной мощи. С другой – тревогу в Токио вызывает перспектива формирования внешнеполитического альянса Пекина и Москвы на антияпонской основе, в рамках которого последняя станет активно поддерживать территориальные претензии Китая к Японии. Не случайно в Японии с большим алармизмом восприняли визит В.В. Путина в Китай в сентябре 2015 г. для участия в церемонии, посвящённой 70-летию окончания Второй мировой войны, а, точнее, «победы китайского народа над японскими агрессорами»²¹.

Именно подобная негативная мотивация в большей степени, чем прямые выгоды от развития двусторонних отношений, заставляет японское руководство уделять большое (хотя и не первоочередное) внимание российскому направлению своей дипломатии. Логично предположить, что, действуя в рамках политики «хеджирования рисков», Токио не станет слишком сильно ссориться с Россией по пограничному вопросу и раздувать иные «исторические обиды», тем более что перспектив их урегулирования уже практически не проглядывается. Тем самым политика исторической памяти оказывает серьёзное воздействие на современные двусторонние отношения России и Японии и необходимо учитывать её влияние как при внешнеполитическом планировании, так и, что особенно важно, в формировании конструктивного общественного мнения с обеих сторон.

²¹ Строкань С. Дружба двух площадей // Коммерсант. 2015. №157. 31 августа. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2799924>

 ValdaiClubRu
 ValdaiClubRu
 t.me/valdaiclub
 ValdaiClub
 valdaiclubcom
valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ